

Татьяна Барышникова
Латвийский университет, Рига

ОБ ОДНОЙ ПОСТАНОВКЕ ГОГОЛЕВСКОГО *РЕВИЗОРА*

Спектакль по пьесе Николая Гоголя *Ревизор* — одна из самых известных постановок режиссёра-новатора Всеволода Мейерхольда. Премьера состоялась 9 декабря 1926 года и вызвала ожесточённые споры. Сразу после премьеры было организовано три диспута, а в периодике появилось более тридцати статей и рецензий, большей частью отрицательных¹. Не меньший интерес мейерхольдовская постановка вызвала у европейской публики, увидевшей спектакль в 1930 году во время гастролей Государственного театра имени Мейерхольда в Германии и Франции². Русская эмиграция также не осталась равнодушной к спектаклю³.

Безусловно, главной причиной столь активного интереса стало, прежде всего, новаторство постановки Мейерхольда⁴. Построение действия не на фабульной и сюжетной связях, а на развитии лейтмотивов, внутренних тем и ассоциаций; фрагментарность комедийного действия; необычность организации сценического пространства; реализация гоголевских метафор — всё это обратило на себя внимание зрителей и театральных критиков. Однако, дело не только в оригинальности найденного режиссёром решения, но также в многочисленных трансформациях, которым подвергается пьеса Гоголя в интерпретации

¹ См.: Мейерхольд в русской театральной критике 1920–1938. Москва: Артист. Режиссер. Театр 2000.

² Значительный комплекс связанных с этими гастрольями документов, выявленных в российских, немецких и французских архивах, представлен в сборнике: *Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века*. Выпуск 4. Москва: Индрик 2009.

³ См.: М. Литаврина: *Русский театральный Париж: 20 лет между войнами*. Санкт-Петербург: Алетейя 2003.

⁴ См.: Ю Манн: *Мейерхольдовский «Ревизор» в аспекте театральной традиции*. <http://nikolay.gogol.ru/gogol_v_teatre/mejerholdovski_revizor>.

Мейерхольда. В текст постановки были включены фрагменты не только из всех существующих редакций и черновых набросков комедии, но также из других произведений Николая Васильевича Гоголя — *Женитьбы*, *Игроков*, *Мертвых душ*. Кроме того, разрушалось привычное представление зрителей о гоголевских персонажах: в частности, в спектакле Мейерхольда Хлестаков предстаёт как «принципиальный мистификатор и авантюрист» (Мейерхольд 1968, с. 145). Были введены персонажи, отсутствовавшие у Гоголя, например, двойник, сопровождающий Хлестакова на всем протяжении спектакля. Столь вольное обращение режиссера с классическим текстом вызвало немало споров и актуализировало вопрос о степени соответствия театральной интерпретации замыслу писателя. Автор одной из рецензий, появившейся вскоре после премьеры, обращает внимание на специфику восприятия постановки Мейерхольда:

После премьеры *Ревизора* в театре Мейерхольда вся Москва вдруг заговорила о Гоголе. Внезапно все сделались гоголианцами — даже те, кто никогда и не читали Гоголя. Но вдруг им понадобилось выступить на защиту «настоящего» Гоголя и встать в позу оскорбленного в лучших чувствах учителя словесности. [...] Все это не настоящий Гоголь! Да и смех-то не гоголевский (Гвоздев 1926, № 299).

Действительно, авторы как положительных, так и отрицательных отзывов не только сравнивают гоголевского и мейерхольдовского *Ревизора*, но также пытаются предположить, как спектакль мог бы быть оценен самим Гоголем:

Прежде всего, [...] установим, что это не *Ревизор* Гоголя, а только «по поводу» *Ревизора*, «по поводу» Гоголя. Фантазия на тему. [...] Впечатление таково. Взял кто-то *Ревизора* и вынул стержень, ось. [...] Точно после землетрясения. Стали собирать заново [...] и вышел некий «аттракцион» из Гоголя. [...] Но не Гоголь, не *Ревизор*. Покойник тут не при чем. [...] Главное — чтобы иначе (Бескин 1926, № 287).

Какое было бы счастье, если бы Н.В. Гоголь таким, каким он был тогда, когда писал *Ревизора*, мог сидеть в зрительном зале и видеть этот спектакль! Я полон абсолютной уверенности, что этот великий художник с недоумением и пренебрежительно отнесся бы к своим «защитникам» и дружески поблагодарил бы своего сотрудника на столетнем расстоянии — Мейерхольда (Луначарский 1926, № 300).

И стоило бы потревожить могилу покойника Гоголя, чтобы покойник встал из могилы и своим присутствием на спектакле поддержал Вас, потому что он — поддержал бы Вас.

Последняя цитата, представляющая собой фрагмент из письма Андрея Белого Всеволоду Мейерхольду от 25 декабря 1926 года⁵, указывает на ещё один, не менее важный, чем опубликованные в периодике рецензии, источник сведений о восприятии знаменитого мейерхольдовского спектакля современниками — эпистолярный. Безусловно, содержащиеся в письмах неофициальные отзывы субъективны и раскрывают, прежде всего, личность адресанта, однако они позволяют в полной мере осмыслить степень значимость новой интерпретации гоголевского *Ревизора* для культурного сознания той эпохи. Один из таких отзывов имеется в письмах молодого поэта Николая Гронского, адресованных Марине Цветаевой.

Николай Павлович Гронский родился в 1909 году. Его отец — приват-доцент Петербургского университета, депутат Государственной думы; мать — талантливый скульптор. Детство Николая прошло в Петербурге и Тверской губернии, где находилось родовое имение Гронских. Одиннадцатилетним мальчиком вместе с родителями он уехал из России. Окончил Русскую гимназию в Париже, под влиянием отца закончил факультет права, затем поступил на третий курс факультета философии и литературы Брюссельского университета, начал работать над диссертацией о Гаврииле Державине. Жизнь Николая Гронского трагически оборвалась в 1934: он был сбит поездом парижского метро и через несколько часов скончался от потери крови. При жизни Гронский не печатал своих произведений. Опубликованная после его смерти поэма *Белладонна* стала открытием большого поэта.

В начале 1928 года Николай Гронский пришёл к Марине Цветаевой, тогда уже известному поэту, чтобы попросить для прочтения её книги, которых уже не было в продаже. Знакомство переросло в дружбу. Между ними завязалась переписка, которая продлилась до 1933 года.

Имя Всеволода Мейерхольда появляется в письме Гронского, написанном 22 июня 1930 года — во время гастролей Государственного театра имени Мейерхольда в Париже. Гастроли вызвали необычайный интерес у парижской публики, о чём свидетельствует фраза из данного письма: «На Мейерхольда, увы, не попал — дешевле 40 франков уже не было» (Цветаева, Гронский 2005, с. 174). Спустя десять дней Гронский сообщает Цветаевой, что ему всё-таки удалось увидеть мейерхольдовского *Ревизора* и даёт спектаклю резко отрицательную оценку: «Сущность Мейерхольда — ложь. Она потопила всё» (Цветаева, Гронский 2005, с. 175). В ответном письме Цветаева, не видевшая постановки,

⁵ <http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0270.shtml>.

но следующая своему принципу становиться на защиту обвиняемого⁶, полемизирует с молодым поэтом:

Мейерхольда не видела, но отзыв Ваш о нём самый эмигрантский, белградский. Мейерхольд в истории театра во всяком случае — этап. Ваше отношение не серьёзно. То же самое, что ничего не понимая в стихах и главное, не любя их, ругать Маяковского. Я лично уже слышала о Мейерхольде многократно обратное (Цветаева, Гронский 2005, с. 176).

Однако, Гронский, обычно прислушивающийся к мнению старшего друга, настаивает на своём. В письме от 12 июля 1930 года он возвращается к мейерхольдовской теме и продолжает начатый спор:

Ваше одобрение — единственное, личное, своё. — Но оставьте мне моё личное презрение. [...] Заметьте, я очень редко противоречу Вам, здесь я настаиваю. Я Вам верю дальше, глубже и выше множества. Но здесь Вы судите меня увидевшего, Вы, не видевшая (Цветаева, Гронский 2005, с. 180–181).

Чем можно объяснить столь активное неприятие новаторского спектакля молодым поэтом? Возможно, на восприятие *Ревизора* Гронским в какой-то мере повлияла рецензия Сергея Волконского⁷, прочитанная ещё до посещения спектакля⁸. В уже цитированном письме, датированном 22 июня, Гронский писал: «Волконский писал о *Ревизоре* в газете. — Статья оскорблённого» (Цветаева, Гронский 2005, с. 174). Отношение критика к постановке Всеволода Мейерхольда проявляется уже в предваряющем отзыв эпиграфе, представляющем собой реплику пушкинского Сальери: «Мне не смешно, когда фигляр презренный...». Сергей Волконский категорически не приемлет столь вольного обращения с текстом пьесы:

Что осталось от Гоголя? Подобного наглого хозяйничанья над чужою собственностью мы — в литературе, по крайней мере, — не встречали (Волконский 1930).

⁶ Примечательно, что Марина Цветаева защищает Всеволода Мейерхольда, несмотря на конфликт, произошедший между ними в 1921 году. Поводом для конфликта послужила заметка, опубликованная в издаваемом Мейерхольдом журнале «Вестник театра», сообщавшая, что Цветаева работает над переделкой *Гамлета* Вильяма Шекспира и пьесы *Златоглав* Поля Клоделя. Цветаева написала опровержение, Мейерхольд ответил открытым письмом, в котором отказывался от сотрудничества с Цветаевой. Подробнее см.: М. Цветаева: *Собрание сочинений в семи томах*. Т. 6. Москва: Эллис Лак 1995, с. 197–199.

⁷ Волконский Сергей Михайлович (1860–1937) — князь, русский писатель, художественный критик, театральный деятель. С конца 1921 года находился в эмиграции в Париже.

⁸ Отзыв Сергея Волконского был опубликован в газете «Последние новости» 19 июня 1930 года.

Судя по письмам, Гронского также привлекало, говоря его же словами, «очарование одиночества» (Цветаева, Гронский 2005, с. 180), возможность противопоставить себя и даже бросить вызов парижской публике, восторженно принявшей спектакль:

Единоутробный хохот, единодушные рукоплескания [...]. На меня не аплодировавшего смотрели как на идиота. Впрочем, трусы — в антракте мне крикнула знакомая (еврейка): «Ну как Мейерхольд»? Я (на всю залу) — «сволочь» — явственная пауза, всеобщее молчание — боялись (Цветаева, Гронский 2005, с. 175).

Однако настойчивое возвращение к обсуждению *Ревизора*, попытка аргументировать свою позицию свидетельствуют о том, что негативная оценка, данная постановке Гронским, объясняется не только юношеским максимализмом, но, прежде всего, собственными убеждениями. Как и многие критики, Николай Гронский сравнивает Гоголя и Мейерхольда, но, несмотря на категоричность, отказывается от сложившихся стереотипов: «Слишком легко сказать: Гоголь — громада, а Мейерхольд — вошь» (Цветаева, Гронский 2005, с. 181). По его мнению, «ложь» мейерхольдовского *Ревизора* заключается в отсутствии в спектакле высшего нравственного смысла, заложенного в комедии Гоголя. Желая убедить Марину Цветаеву в обоснованности своего мнения, Гронский ссылается на авторскую интерпретацию:

Вы, конечно, знаете, как сам Гоголь толковал свою вещь (город — душа, чиновники — страсти, две совести: светская — Хлестаков, и та последняя, страшная — Страшного Суда). Я глазами видел у Мейерхольда Хлестакова, идущего в отхожее место (все чиновники показывают «куда»), но совести не видел (Цветаева, Гронский 2005, с. 181).

Речь идёт о *Развязке Ревизора*, написанной Николаем Васильевичем Гоголем в 1846 году. Известно, что этот автокомментарий вызвал отрицательные отзывы современников писателя⁹, протестовавших против аллегорического истолкования пьесы; Гронскому же, напротив, такое понимание пьесы казалось наиболее верным. Показательно, что, в ос-

⁹ Один из ближайших друзей Гоголя писатель Сергей Аксаков (1791–1859) категорически возражал против как напечатания, так и постановки *Развязки «Ревизора»*, опасаясь, что эта пьеса «сделает Гоголя посмешищем всей России». Протестовал против аллегорического истолкования пьесы и актёр Михаил Щепкин (1788–1863), исполнявший в *Ревизоре* роль Городничего и не представлявший себе героев *Ревизора* иначе, чем как «живых людей». Он писал Гоголю: «С этими в десять лет я совершенно сроднился, и вы хотите их отнять у меня. Нет, я их вам не дам! Не дам, пока существую» <http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0430.shtml>.

новном верно передавая суть монолога Первого комического актёра, Гронский допускает ряд неточностей. Истинным «ревизором» Гоголь называет не Страшный Суд, но собственную, перед смертью «пронувшуюся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя»¹⁰. Противопоставление «светской» и высшей совести, подчёркнутое у Гоголя, у Гронского нейтрализуется. По мнению молодого поэта, образ Хлестакова также должен быть подчинён этической проблематике пьесы. В авторской трактовке «Хлестаков — щелкопер, Хлестаков — ветренная светская совесть, продажная, обманчивая совесть; Хлестакова подкупят как раз наши же, обитающие в душе нашей, страсти»¹¹. Для Гронского не в меньшей степени, чем для Гоголя важно нравственное воздействие пьесы на зрителей:

О технике — не судья, не знаю — нет, знаю — во многом здорово. Но разве о технике я сказал и повторяю: ложь? — Об общем впечатлении (Цветаева, Гронский 2005, с. 181).

Не сценический, а вербальный план спектакля представляется молодому поэту наиболее значимым, поэтому, по его мнению, глубинный смысл произведения остался скрытым от парижской публики, не владеющей русским языком: «От Мейерхольда все в восторге. Слепой восторг: аплодировали (в партере) люди с европейскими именами, увы, ни слова не понимающие по-русски» (Цветаева, Гронский 2005, с. 181)¹². Символический подтекст мейерхольдовского спектакля также оставил Гронского равнодушным: замена актёров манекенами в немой сцене показалась ему бессмысленной: «Были застывшие куклы (явный подмен застывших людей, а это куда страшнее)» (Цветаева, Гронский 2005, с. 181)¹³.

¹⁰ См.: Н. Гоголь: *Развязка «Ревизора»*. <<http://literature.gogol.ru/works/razvyazka>>.

¹¹ Там же.

¹² Сравним с воспоминаниями писателя и публициста Ильи Эренбурга (1891–1967): «В Париже на спектакле были по большей мере французы — режиссёры, актёры, любители театра, писатели, художники: это напоминало смотр знаменитостей. [...] И когда спектакль кончился, эти люди, казалось бы, объевшиеся искусством, привыкшие дозировать свои одобрения, встали и устроили овацию, какой я в Париже не видел». См.: И. Эренбург: *Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трёх томах*. Т. 1. Москва: Советский писатель 1990, с. 334.

¹³ Ср. с оценкой поэта-символиста Андрея Белого: «Живую картину дать потрясения нельзя: только мертвой; для этого молнией надо убить исполнителей, не убиваемых жалким жандармом. И вот Мейерхольд в помощь Гоголю — убивает: грубейшими средствами, напоминающими двойной критский топор, отсекающий головы; здесь архаический, грубый гротеск тоньше тонкого...» <http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0270.shtml>.

Таким образом, неприятие Николаем Гронским одной из самых известных постановок *Ревизора* обусловлено тем, что для молодого поэта пьеса Гоголя не материал для сценического эксперимента, а произведение, апеллирующее к вечным нравственным ценностям. Он видел в *Ревизоре* то «религиозное оправдание и очищение»¹⁴, которое поэт и критик Владислав Ходасевич увидел в поэзии самого Гронского.

Литература

- А. Белый: *Письма В.Э Мейерхольду и З.Н. Райх*. <http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0270.shtml>.
- Э. Бескин: «*Ревизор*» Мейерхольда. «Вечерняя Москва» 1926, № 287.
- А. Гвоздев: *Ревизия «Ревизора» (В театре им. Мейерхольда)*. «Вечерняя Красная газета» 1926, № 299.
- Н. Гоголь: *Развязка «Ревизора»*. <<http://literature.gogol.ru/works/razvyazka>>.
- А. Луначарский: *Кратко о «Ревизоре»*. «Вечерняя Красная газета» 1926, № 300.
- Ю. Манн: *Мейерхольдовский «Ревизор» в аспекте театральной традиции*. <http://nikolay.gogol.ru/gogol_v_teatre/mejerholdovski_revizor>.
- В. Мейерхольд: *Статьи, письма, речи, беседы*. Часть 2. Москва: Искусство 1968, с. 145.
- В. Ходасевич: *Два поэта*. 1936. <http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0910.shtml>.
- М. Цветаева, Н. Гронский: *Несколько ударов сердца. Письма 1928–1933 годов*. Подгот. Ю.И. Бродовская, Е.Б. Коркина. Москва: Вагриус 2003.
- М. Цветаева: *Собрание сочинений в семи томах*. Т. 6. Москва: Эллис Лак 1995, с. 197–199.

Tatiana Baryshnikova

ABOUT ONE OF THE VARIANTS OF STAGING GOGOL'S *REVIZOR*

Summary

The production of the play *The Government Inspector (Revizor)* by Vsevolod Meyerhold is one of the most original theatrical interpretation of a Gogol's work. Special attention of the audience and critics to the performance, which opening night was on the 9th of December 1926, can be explained by the interest towards the innovative approach of the director, as well as by the desire to solve the problem about the degree of conformity between the interpretation and Gogol's intentions. Specifics of perception of a Meyerhold's production by the contemporaries are seen not only through the notes of the disputes or numerous reviews, also through the responses found in personal letters. The article examines the letters written by a young poet Nikolay Gronskij to Marina Cvetaeva. The discussed letters reflect the point of view of one of the representatives of a young generation of the Russian emigration.

¹⁴ В. Ходасевич: *Два поэта*. 1936. <http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0910.shtml>.

Tatiana Barysznikowa

O PEWNEJ INSCENIZACJI *REWIZORA* NIKOŁAJA GOGOŁA

Streszczenie

Rewizor wystawiony przez Wsiewołoda Meyerholda w roku 1926 do dziś stanowi jedną z najbardziej oryginalnych realizacji utworu Gogoła. Zainteresowanie widzów i krytyków wiąże się zarówno z nowatorskimi decyzjami reżysera, jak i próbą interpretacji zbieżności i odmienności jego interpretacji z zamysłem Gogoła. Specyfikę tych reakcji ujawniają nie tylko materiały dyskusji i liczne recenzje, lecz także opinie zawarte w prywatnej korespondencji. W artykule zaprezentowane zostały poglądy młodego pokolenia rosyjskich emigrantów, których przedstawicielem jest poeta Nikołaj Gronski dzielący się uwagami na temat spektaklu w listach do Mariny Cwietajewej.